

АЛЕКСАНДР ЧЕРВЯКОВ

А У НАС НА ВЕНЕРЕ

Александр Червяков

**А у нас на Венере.
Фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Червяков А.

А у нас на Венере. Фантастическая повесть / А. Червяков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980627-7

Далёкое будущее. Мальчик Рома живёт вместе со своими родителями на планете Венера, на атмосферной станции. Другой мальчик, Сеня, прилетает на станцию с Земли вместе с папой. Первая встреча у ребят вышла так себе, но потом они стали самыми лучшими друзьями. Сколько же захватывающих приключений ожидает мальчишек — и на станции, и на смертельно опасной поверхности Венеры!

ISBN 978-5-44-980627-7

© Червяков А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
А у нас,	7
Ангелочек в белом	8
Пропавшая экспедиция	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

А у нас на Венере

Фантастическая повесть

Александр Червяков

© Александр Червяков, 2020

ISBN 978-5-4498-0627-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели».

*Константин Эдуардович Циолковский,
статья «Исследование мировых
пространств реактивными приборами»,
«Вестник воздухоплавания №3», 1912 г., стр.16.*

Что будет, если твой школьный класс вместе со всеми папами, мамами, учителями и друзьями... вместе со школьными завтраками-обедами, домашними заданиями и учебниками... вместе с разговорами, обсуждениями, планами, проектами, праздниками... взять, да и перенести на космическую станцию? Чтобы за окнами – не Солнышко в облачках, а венерианская атмосферная буря. А единственный на станции кот – знаменитая личность, истребляющая космических мышей. Что будет?

Будет задорно, необычно, интересно! Порой – удачно. Иногда – не совсем. При этом, даже в космосе, крепкая дружба останется дружбой, радость – радостью, любовь и забота – любовью и заботой.

Об этом – книга, которую ты держишь в руках. О людях, занимающихся настоящим делом. Опасным, но полезным всему человечеству. И о двух друзьях-школьниках, умеющих находить неожиданно верные решения там, где даже взрослые порой надолго задумываются. Потому что воображение, любознательность и смекалка – такие же двигатели прогресса, как высшее образование, опыт, возраст!

А по пути вместе с Ромкой, Сенькой и их друзьями ты узнаешь:

- как даже школьные знания математики, физики, химии, биологии, кибернетики помогают выдумывать всякие полезные штуки;
- кому и почему папы дарят драконов;
- где обитают демоны и ангелы – настоящие, умные, умеющие дружить, любить, вкалывать и шутить;
- можно ли трудиться при жаре +500 градусов;
- действительно ли планета Венера – голубая;
- всегда ли Снегурочка – внучка деда Мороза;
- чем обитатели космической станции отличаются от пассажиров круизного лайнера;
- как сделать маме подарок на День рождения, и почему его надо мастерить в хорошем настроении;
- в чем сильны мальчишки, а в чем – девчонки;
- чем отличаются дразнилки от хороших стихов.

А заодно:

- как рождались и развивались планеты Солнечной системы;
- как мы исследовали окружающие нас планеты;
- как устроена венерианская станция будущего;
- зачем нужен тигль;
- чем полезна смесь рыбных консервов с расплавленной вулканической лавой;
- как работать на планете, где атмосфера – пары серной кислоты;
- и, наконец, что такое сколопендра, и может ли она весить 20 тонн.

Я даже немного завидую тебе. Потому что я эту книжку уже прочел. А у тебя впереди – замечательные истории, иллюстрации, переживания и знания!

Костя ПУТЕВОДКА – блогер, путешественник, капитан дальнего плавания

А у нас, на Венере...

Ангелочек в белом

Прихожу я сегодня в школу, как обычно, усаживаюсь за свой стол, достаю планшет. Тут заходит Полина Алексеевна, учительница, а с ней пацанчик – наших лет, да так чудно одетый, что мы аж рты пораскрывали. Весь в белом. Мы все ходим в станционных комбезах, как и взрослые, только украшаем каждый по-своему. Шевроны там, нашивки, ну да это дело вкуса. У меня вот на левом кармане адское пламя, споротое со старого отцовского комбинезона, так что сразу видно – чертёнок. Но это всё мелочи. А тут одежда совсем непонятная, мы только на картинках такую и видели – штаны короткие, колени наружу... А Полина Алексеевна и говорит:

– Ребята, познакомьтесь, это Сеня Дымков. Его папа – крупный учёный с Земли, и прилетел к нам на станцию для проведения важных исследований. Несколько недель Сеня будет заниматься в нашей группе, надеюсь, вы обязательно подружитесь.

Вот-те на, а парень-то, оказывается, земляничик! С Земли у нас, конечно, народ прилетает регулярно, но детей там не бывает, все взрослые. Те дети, которые на станции живут, тут все и родились, включая меня, само собой. Потому и не много тут детей – в нашем блоке хорошо, если наберётся десятка три, и все возраста разного. И в школе никаких классов нет, а просто две группы – старшая и младшая. А учительница каждому своё задание даёт. Вот и сейчас Полина Алексеевна прошла по рядам, посмотрела у всех планшеты, раздала задания и идёт садится к земляничку, о чём-то с ним увлеченно беседует.

В общем, сижу я решаю примеры и задачу, а что-то они как-то плохо решаются. Всё время на новичка поглядываю. И вся группа тоже. Любопытно же. На большой перемене мы все этого земляничка обступили, и глядим на него, как на какую-то диковину. А он и говорит:

– Здравствуйте.

Андрюха у нас в группе самый старший, ему первому и говорить в ответ. Все ждут. Андрюха спрашивает:

– А ты правда с Земли прилетел?

Новенький кивает.

– А когда?

– Две недели назад.

– А почему тебя сразу к нам сюда не отправили?

– Потому что карантин. Сказали, что сразу нельзя.

– И что же ты делал?

– Ну... по-разному. С отцом по станции ездили, в каюте сидел... Потом гулять ходил, смотрел...

– И как тебе тут понравилось? – это уже Мишенька спрашивает, учительницын сын.

– Очень интересно! – земляничик отвечает. И смотрит дальше на нас, ждёт кто что ещё спросит.

– А на Земле ты где жил?

– В Москве, а ещё в Петербурге.

– А Москва правда большая?

Земляничик наморщил нос и выкладывает, как по книжке:

– Сейчас в Москве живёт почти пятьдесят миллионов человек!

– Врёшь! – это Васька сказал, мой главный школьный приятель. Конечно, врёт. Как в одном месте может уместиться столько народу?

Тогда я потянул его за ту штуку, в которую он был одет.

– Это у тебя чего? – спрашиваю.

Он смотрит на меня так, как будто я издеваюсь.

– Это, вообще говоря, одежда. А почему ты спрашиваешь?

Я смеюсь.

– Нет, брат, вот это вот – я щёлкаю тканью комбеза – одежда. А что это у тебя такое, мы понятия не имеем.

И снова тяну за рукав.

Тут он меня отталкивает.

– Вообще-то это называется «рубашка», если хочешь знать. И на Земле так все ходят.

Тут этот земляничик мне нравится совсем перестал.

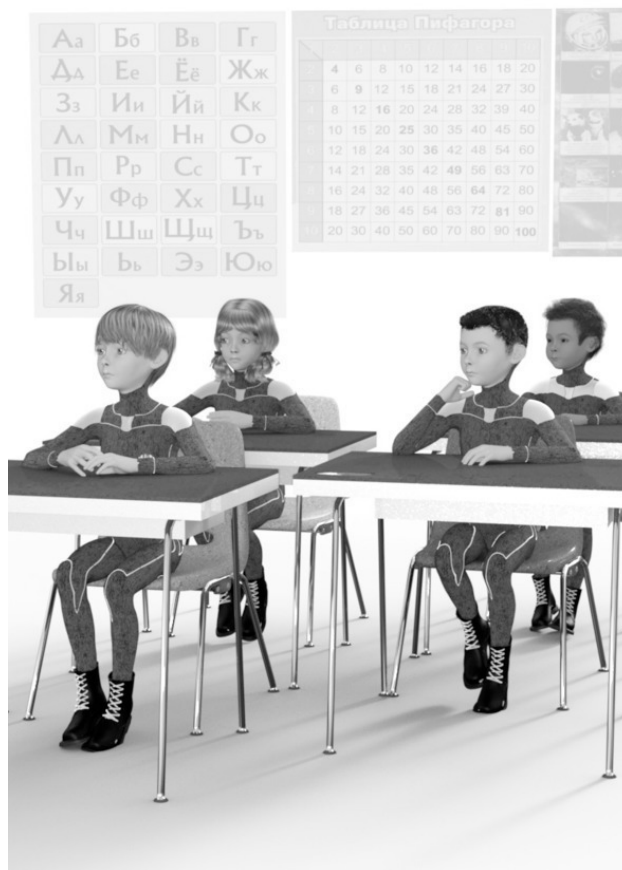
– На Земле пусть как хотят, так и ходят, а ты тут не на Земле, понял? И руки давай уже хорош распускать.

Он аж покраснел.

– Я и не распускаю, просто не дёргай, и всё.

Тут Андрюха мне руку на плечо кладёт и говорит:

– Ромыч, сдай назад, всё спокойно. Давайте о другом.

Алёнка Кошечева (она меня на год младше) тут же влезает:

– Сеня, а как там у вас на Земле? Как по телеку?

Он смотрит озадаченно.

– Ну... У нас по-разному. Только не как по телеку, у нас просто... Ну, как у нас... – тут он оживился. – А давайте я вам фотографии покажу!

Достал планшет и начал показывать. Такого, скажу я вам, я за всю свою жизнь не видел. Разве только в кино или в школе на уроках учительница рассказывала. А тут и правда фотографии, а на них – вот он, этот самый земляничник, который рядом живой сидит, а вот оно – то самое, удивительное. Скажем, море. У нас на станции в жилблоке для детей свой бассейн в школьном центре, ну он так себе, ни большой ни маленький. С комнату. А тут – вода и вода, до самого горизонта, и там люди на всяких прибабасах по воде передвигаются. И даже корабли есть, только они не летают, а по воде плавают. Или другая вещь – снег. Мы снег видим только в холодильнике, а что его может быть так много, что по нему даже ходить можно или бегать – это, я вам скажу, почище всяких сказок. А ещё там был настоящий лес, и сад в месте, которое земляничник называл «дача». У нас есть много растений в живом уголке, но чтобы растения были высотой в 10 палуб, это же в голове просто не помещается! А ещё у земляничника была двухколёсная машина – то ли «сипет», то ли «лосипет». Мне бы такую – но что с ней делать в наших коридорах? От переборки до переборки кататься, как мы на роликовых тележках?

В общем, не знаю, что на меня нашло. Наверное, просто разозлился, что все вокруг этого земляничника прыгают, как вокруг сам не знай чего.

Тут я потянул его за штанину его белого костюма, да сильно.

– А это вот что у тебя такое? Тоже рубашка?

Он снова покраснел и глядит на меня.

– Нет, это называется штаны, если ты не в курсе.

– Какие же это штаны? – спрашиваю я. – У нас в таких штанах даже девчонки не щеголяют. И вообще, Земля то, Земля сё, что-то ты много разоврался, ангелочек в белом!

– Почему это я ангелочек? – он спрашивает с нажимом.

– А кто же ты ещё? Пол-лексеевна же сказала, что у тебя папочка ангел, ну в смысле яйцеголовый?

Тут он аж вскочил.

– Сам ты ангел яйцеголовый! А ещё и баран тупой!

В общем, он первый начал. Я, вообще говоря, не драчливый. Меня отец так учит, что руки распускать это не дело. Но называть чёрта яйцеголовым, да ещё и тупым – это уже слишком! Так что врезал я ему по носу. Думал, он заревёт, как девочка, и побежит учительнице жаловаться. Однако нет, он тоже как двинет по носу меня. И, кстати, чувствительно. Тогда я стукнул его ещё раз, а потом снова он меня. И понеслось.

Через десять секунд мы уже сцепились на полу. Катаемся, пыль собираем, пыхтим, каждый норовит другому в ухо засветить покрепче... От его «рубашки» что-то отлетело, а на моём комбезе расстегнулась липучка. Ногой я задел за стул, тот с грохотом повалился на пол и повалил за собой ещё один. Со стула что-то со звоном полетело, тут в комнату вбегает Полина Алексеевна. Охнув, она поднимает нас за шивороты с пола и ставит лицом к себе.

– Вы что себе позволяете творить в моей группе, молодые люди?!

Я сразу замер. Земляничка пару-тройку раз дёрнулся. Плохо он знает Пол-лексеевну, раз дёргается. У нас на Венере слабаки не задерживаются, даже женщины.

...Облака Венеры, освещённые Солнцем – ярко-желтые, непрозрачные, плотные, как огромное ватное одеяло. В пятидесяти километрах над поверхностью, окруженный со всех сторон густым туманом, парит огромный пятикилометровый аэростат – земная обитаемая станция. Вся верхняя часть линзоподобного корпуса покрыта панелями солнечных батарей, нижняя же часть густо облеплена многопалубными металлическими блоками, в которых живут и работают люди...

– Романов, я считала, что ты в свои десять лет уже умеешь вести себя прилично! Я немедленно сообщу Иван Андриановичу!

Иван Андрианович – это отец. Всё, влип.

– Теперь ты, Дымков. Тебя только выпустили с карантина, ты в группе первый день – и лезешь в драку с товарищем! Вся станция шушукается, мол, с Земли сам Дымков приехал, сыночка привёз – а кого он, получается, привёз? Малолетнего хулигана? Мне придётся поговорить с твоим папой, будь он хоть пятьдесят раз светило науки, ясно?

Ясно, конечно. Что же тут неясного? Расселись мы снова по своим столам, решаем задачки и друг на друга не смотрим. А чего тут смотреть? Тоже мне, ангелочек в белом...

Вечером, когда отец приходит с работы, я даже в общую комнату не пошел, сижу у себя. Отец сам ко мне заглядывает. Руку на плечо положил.

– Что, – спрашивает, – подрался, брат?

Странно. Не ругается.

Он как мысли мои читает:

– Странно, даже не ругаюсь, правда? Ну вот что я тебе скажу: у нас в каюте сегодня вечером важные гости, надо их встретить, чтобы всё было чин-чинарём. А про драку – считай, что её не было. Но только в этот раз!

Ушам своим не верю. Но отец такой человек: раз сказал, значит, так тому и быть. Бросился я к нему на шею, а потом занялся уборкой. Раз гости, значит надо какой-никакой поря-

док навести, а мама со смены из больничного отсека сегодня поздно придёт. Так что папа – кашеварить, я – красоту наводить. За час красоту навёл – лучше некуда, и даже с пылесборником везде прошелся. Отец наготовил всякой вкусноты. Ну, как вкусноты, конечно, не как в Новый Год, но вполне ничего. А тут как раз и звонок.

Отец пошел открывать, за ним идёт дядька, ещё нестарый, в руках сумка, а одет не в комбинезон. И никаких нашивок нет. А за ним семенит – кто бы вы думали? – тот самый земляничек Сеня из школы. Весь в белом. Здравствуйте, приехали...

– Анатолий Сергеевич, проходите, располагайтесь! – это отец. – У нас тут, конечно, не шибко просторно, зато уютно. Стол, уж простите, сплошные концентраты, однако другого тут не держат...

– Ничего-ничего, всё чудесно! – это уже Анатолий Сергеевич. – Я вот кое-кому говорил, когда сюда собирались – остался бы у тёти с дядей, ведь на Венере мёдом не намазано. И тесновато, и концентраты, и местное население не всегда дружелюбное, а?

Тут он сперва на Сеню своего глядит, а потом на меня, и подмигивает.

Уселись мы за стол. Зря отец так про концентраты сказал, хорошо он готовит, вкусно. Я две тарелки съел, да и гости, смотрю, не отстают. Мы с этим земляничком, конечно, друг на друга исподлобья поглядываем. Как чай попили с пирожными, так отец говорит:

– А теперь, молодежь, нам с Анатолием Сергеевичем потолковать надо о делах серьёзных. А вы отправляйтесь-ка в комнату к Роману, и там между собой тоже побеседуйте.

Вздыхнул я, но с отцом лучше не спорить. В комнату пришли, мне земляничек какую-то коробку протягивает.

– На, – говорит, – возьми, это тебе, в подарок. Это не я, это папа так велел.

Взял я коробку, посмотрел. Черт знает что непонятное на ней нарисовано. Вроде бы как корабль или челнок, но какой-то чудной.

– А что это? – спрашиваю.

– Это модель, собирать. – Земляничек отвечает. – Называется «самолёт». У нас на таких между городами на Земле летают.

Городами? Ааааа, вот ведь что это! Точно, вспомнил, видел я такие штуки по телеку. Ладно, интересно.

– Спасибо. – говорю. И поставил коробку на стол.

Сели мы на койку. А куда ещё в моей комнате садиться? Стол с ящиками, койка, ну и полки на стенах да лампа в потолке.

...Верхняя часть корпуса атмосферной станции покрыта панелями солнечных батарей, нижняя же густо облеплена многослойными металлическими блоками, в которых живут и работают люди. Глубоко внизу лежит невидимая со станции поверхность планеты – раскалённая, враждебная, смертельно опасная. Оплавленные базальтовые глыбы шипят под каплями дождя из концентрированной серной кислоты, а чудовищное давление сомнёт обычную земную стальную конструкцию, как первокласска пустой бумажный стаканчик от мороженого. Настоящий ад, в котором человеку делать нечего...

Сидим, молчим. Ну, раз уж я хозяин, тогда и мне разговор затевать.

– Непривычно, наверное, тебе у нас? Тесно, не как на Земле?

Он жмёт плечами:

– Ну понятно, что тесно. У вас на станции места не так много, а столько всего надо: и причалы для космических кораблей, и пусковые площадки для челноков, а ещё лаборатории, где учёные работают, да много всего. Я наоборот, удивился, как у вас в школе всё хорошо сделано, уютно. Вполне себе просторно, и деревца в кадках, и рыбки красивые в аквариуме, и даже бассейн есть...

– Ну разве это большой бассейн?

– Ну и что, что небольшой? Понимаешь, – тут он оживился, – это же планетарная станция, да не просто станция, а летающая! У вас же, наверное, каждый лишний килограмм на учёте. Зато как здорово – космос, Венера, исследования... Когда отец сюда собрался, он хотел меня к дяде с тётей отправить, так я знаешь какую истерику закатил! Когда ещё у меня шанс будет на Венере побывать?

– А что же ты с мамой дома не захотел остаться? – спрашиваю.

– Мама умерла – он тихо отвечает. – Два года назад. Ты только не извиняйся, ты же не знал.

Я просто киваю.

– А почему тебе так интересно у нас?

– А я вообще люблю всё такое – про космос, про науку. Я тоже хочу, как папа, стать учёным. А пока мы сюда летели, я знаешь сколько книг про Венеру прочитал?

Молчу, думаю, что бы ещё у земляничка спросить.

– А это правда, что с Земли сюда корабль пять месяцев летит?

– Угу, правда. Можно, вообще говоря, и за три месяца. Но тогда нужно очень много топлива, и никакого серьёзного груза ты в таком корабле не отправишь. Так что пять.

– И не скучно тебе было?

Он помотал головой.

– Нет, я же с папой. Лучше расскажи, как у вас тут. А правда, что твой отец – самый лучший из специалистов по поверхности?

– Ещё бы! Он, правда, не учёный, он бригадир на добывающем комбайне, а раньше был разведчиком. Но поверхность он просто отлично знает. Сколько-то работает тут, наверху, а потом снова улетает вниз. Говорит, без этого уже не может.

– А он оттуда, снизу, что-нибудь привозит?

Я киваю.

– А можно посмотреть?

Лезу в ящик стола. Вообще говоря, я свою коллекцию кому попало не показываю. Но тут гость, да ещё с самой Земли... Не показать – это будет не по-хозяйски.

Достаю коробку со своими сокровищами. У земляничка от удивления глаза на лоб. Ещё бы! Там у меня такие образцы, что любой музей сдохнет от зависти. Одних только «лаво-вых драконов» штук шесть или семь. Кристаллы самые разные, камни удивительной формы, слитки, а вулканическое стекло таких расцветок, что залюбуешься.

Сеня этот самый рассматривал мою коллекцию минут пятнадцать, и только восхищённо вздыхал. Наконец, он посмотрел на меня и спросил:

– А ты когда-нибудь там, внизу, был?

Я аж рот раскрыл.

– С ума сошел? Кто же меня туда пустит? Туда взрослых-то не всех пускают. Знаешь, как опасно там?

- Конечно, знаю, я читал. Но я думал, может хотя бы иногда...
- Нет, туда постоянно только демоны летают.

И иногда – ангелы.

– Слушай, погоди, объясни, какие ангелы? Какие демоны?

– Ну... – я даже не знаю, как начать – ну, мы так просто всегда говорим. Вот папа – он демон, он бригадиром на добывающем комбайне работает. Они руду добывают, выплавляют металл, а потом отправляют сюда. А дальше уже с верхних площадок отправляют всё это дело на Землю. У них нашивка – красный огонь в чёрном круге, «адское пламя». Вот такая – я гордо выпячиваю нашивку на левом кармане комбеза.

– Погоди, – говорит он, – а у всех учёных в исследовательском отделе тоже нашивка, только там колба и крылья в белом круге, я сколько раз видел. Значит, вы учёных называете «ангелами»?

– Ну да. А те в школе, у кого семьи из демонов, это чертенята, а у кого из ангелов – то ангелочки.

Земляничник засмеялся.

– Тогда я, получается, что, тоже ангелочек?

Я вспоминаю нашу с ним драку и отворачиваюсь.

– Ну, в общем, да. Мы с ангелочками вообще сильно не дружим – они слабаки и зазнайки. Перед учительницей выпендриваются, кто сложнее задачи решает. А самый главный вредина – это Мишенька-ангелочек, ну, ты видел его. Он говорит, что у него отец не просто учёный, а какая-то ужасно важная шишка, и что он даже возил его с собой туда, вниз. И что даже экзоскафом давал ему управлять, вот! И многие Мишеньке верят, а я – нет...

– А почему?

– Да потому что не пускает никто детей вниз, никогда! Отец говорит, там взрослые здоровые сильные помногу не выдерживают, а если авария случается, то такое бывает...

– И ты видел?

– Да что ты, как же «я видел»? Я тут сижу, наверху, я могу только рассказывать что папка рассказывает. У них один раз на соседнем участке что-то рвануло на добкомбайне, пробило обшивку. Защита, конечно, сработала, но человек десять погибло сразу. У меня друг был... хороший... Ильюшкой звали. Вот у него в ту смену как раз отец работал и погиб... И они потом с мамой и сестрой уехали... навсегда...

– В смысле уехали... вернулись на Землю?

Я молча киваю. Потом продолжаю, уже возмущённо и горячо:

– А экзоскаф Мишеньке вообще никто бы никогда не дал! Детских экзоскафов не бывает, а во взрослом он будет болтаться, как рыбка в школьном аквариуме! Да что я тебе говорю...

Тут я снова метнулся к столу, достаю из ящика фотографию.

– Вот гляди, это отец в экзоскафе на поверхности!

На лице у земляничка – искреннее восхищение.

– Я читал про экзоскафы, и картинки видел. Это же как суперпрочный танк, плюс скафандр, плюс там ещё какое-то термостойкое оборудование, в общем, можно чуть ли не из вулканов голыми руками образцы собирать, скалы разбивать, ну и передвигаться по поверхности Венеры без риска для жизни.

– Без риска для жизни, – отвечаю, – на поверхности Венеры ничего не бывает, это здесь знает каждый. А без экзоскафа на поверхность ты просто не выйдешь: за полсекунды раздавит, как таракана утюгом, и сожжёт надёжнее, чем в любой печи. Даже костей не останется.

Земляничка аж поёжился. Я продолжаю:

– У экзоскафа и прочность корпуса как у подводной лодки на Земле, и система охлаждения мощная. Это вот кабина. Человек в неё влезает, как в обычный космический скафандр, типа ноги в штанины, руки в рукава; только руки и ноги наружу не выходят, а дистанционно управляют сервоприводами. Ну и скажи – как бы Мишенька мог управлять экзоскафом? Он же даже ниже меня ростом, он бы ни до педалей не достал, ни до перчаток!

– Тогда врёт.

– Конечно, врёт. Потому мы с ним и не дружим. Ну, и вообще с ангелочками. Хотя не все они одинаковые.

– А вы все одинаковые?

– Да нет, что ты. Тоже разные все, и по возрасту, и по характеру. Вон Андрей он вроде отличный парень, но ему на будущий цикл уже в старшую группу, он теперь из себя взрослого любит изображать. Типа мы мелкота, ему с нами неинтересно.

– Не знаю... – тут он пожимает плечами. – Мне вот с тобой интересно. Тебя ведь Рома зовут? А меня Сеня.

И протягивает мне руку.

К нам в дверь стучат. На пороге – отец.

– Пора расходиться, народ. Завтра в школе, думаю, ещё пообщаетесь.

На прощание он тихо говорит Анатолию Сергеевичу:

– Интересную штуку вы задумали, спору нет, дико интересную. Но опасную до невозможности.

Анатолий Сергеевич так же тихо отвечает:

– Вот потому-то мне и сказали договариваться с Вами лично. Потому что ни один начальник никогда и никому идти на такой риск приказа не подпишет. Но Вы всё-таки подумайте.

...Поверхность Венеры – это настоящий ад, в котором человеку, казалось бы, делать нечего. Однако ценнейшие металлы, до которых на Земле приходится копать сверхглубокие шахты и просеивать миллиарды тонн пустой породы ради одного-двух килограммов, на Венере иногда лежат просто на поверхности – протяни руку и возьми... Если сможешь. Вот и отправляются вниз, в самое пекло, зонды-разведчики; спускаются и устанавливаются на раскаленный грунт сверхпрочные добывающие комбайны; транспортные челноки везут туда, вниз, на очередную смену, землян-шахтеров – «демонов», как они сами себя называют; наконец, грузовые корабли поднимают добытые руды и металлы наверх – для отправки на Землю...

На следующий день в школе мы здороваемся и расходимся по своим столам. На большой перемене к земляничку подсаживается Мишенька-ангелочек и начинает что-то увлечённо рассказывать, то и дело кивая в мою сторону. Васька это замечает и говорит:

– О, два ангелочка спелись! Вдвоём теперь, небось, такого вранья нафантазируют, что только уши подставляй! Ром, а ты будешь опять с ним драться?

Я только фыркаю.

– Вот ещё, делать мне больше нечего! Но ты зря про него так... Он не врёт, он просто... ну, не наш. А ещё мама у них умерла.

– Ты чего, разговаривал с ним, что ли?

– Да, у его отца с моим какие-то дела очень важные, они вчера вечером в гости к нам приходили. В смысле, и Анатолий Сергеевич, и Сеня этот с ним... Так что посидели, поболтали. Нормальный пацан, знает только мало. Даже экзоскафа вживую ни разу не видал.

– Тогда понятно.

Васька свой, из чертенят. Черти лишних вопросов не задают.

Вечером они к нам домой опять заявляются. Они – это Сеня и Анатолий Сергеевич. Отцы опять нас отправляют в комнату ко мне, а сами усаживаются секретничать с какими-то чертежами и моделями на столе. Ох, не нравится мне эта секретность!

– А ты знаешь, – спрашиваю я земляничка, – зачем твой папка к моему ходит и ходит?

Тот просто отвечает:

– Знаю. Мы пока сюда летели, отец рассказывал и даже показывал фотографии. Не так давно разведчики обнаружили какие-то аномальные структуры на поверхности. Возле самого северного полюса, на равнине Снегурочки. Я, помню, ещё долго так смеялся.

– Смеялся? А что-смешного-то?

– Ну, просто смешно. Северный полюс, равнина Снегурочки, а температура почти 500 градусов и озёра из расплавленного свинца. На Земле на северном полюсе – снег и льды, а Снегурочка и Дед Мороз – они в сказочном зимнем лесу живут. Где-то под Великим Устюгом.

– Ты только не обижайся, что я тебе тогда в школе не поверил – отвечаю. – Мы же тут снег только в холодильнике видим. Ну, или ещё отец говорил, есть морозильные камеры в складских блоках, они большие. Но я там никогда не был.

– А Новый Год вы празднуете?

– Празднуем, конечно. И про Деда Мороза знаем, телек-то есть у нас и книжки тоже. А вот про Снегурочку у нас шутить не любят, нехорошее это место. И далеко лететь, и вообще, говорят, там что-то не так.

– Почему не так?

– Да не знаю... В прошлом цикле туда то ли китайцы, то ли европейцы пытались автономные обитаемые лаборатории установить, но что-то у них случилось. Много народу погибло.

Земляничка думает. Потом продолжает:

– В общем, у отца про эту равнину Снегурочки одна теория есть. Он пытался объяснять, но я ещё очень плохо в этом разбираюсь, мало что понял. Понял только, что надо туда лететь, высаживать людей, ставить датчики и проводить какие-то очень сложные эксперименты.

– Именно людей высаживать? Дроны не подойдут?

– Нет, в том-то и дело. Ну, в общем, когда мы прилетели, отцу сказали, что в таких делах лучше всего общаться с шахтёрами, типа они на поверхности больше времени проводят, и теорий у них меньше, зато знаний больше.

– Это правда. Хочешь знать, как оно там на поверхности – иди к демонам. Ангелы – они только изображать из себя умных любят, а так – дураки круглые.

Земляничка весь напрягся и опять кулаки сжал.

– Ты хочешь сказать, что мой папа – дурак круглый?

Ой... Что же это я такое ляпнул? Всё время забываю, что отец земляничка – тоже яйце-головый... Снова драка? Нет, надо спасти положение.

– Послушай, Сеня, я неправильно сказал. Прости. Учёные – они тоже разные бывают, и наверняка очень даже умные есть. Вот твой папка вообще молодец.

– Почему молодец?

– Потому что к моему пришел за советом. Дураки – они ничьих советов никогда не спрашивают.

Тут он как-то осунулся и грустно так говорит:

– И всё-таки лучше бы мы остались на Земле. Ну зачем, зачем он хочет лезть к этой дурацкой Снегурочке?

После школы на следующий день я ушел домой рано – у мамы был выходной. Я люблю, когда мама весь день дома. Потому что готовит мама очень вкусно, и по дому при ней ничего делать не надо. Разве только что посуду за собой заставляет мыть. Только в этот раз я заметил, что она какая-то грустная и задумчивая. Я за чаем спрашиваю:

– Мама, а что с тобой такое случилось? Только не увиливай, я же вижу, я не маленький! Она улыбается.

– Всё-то ты у меня видишь. Да ничего особенного, просто скоро папа опять отправляется вниз. А когда он вниз отправляется, я всегда переживаю.

Так. Класс. Значит, у отца скоро запуск. Осталось выяснить, куда и какой. Делаю самое невинное в мире личико.

– Да ты не переживай, мам. Знаешь, какого лавового дракона мне папка в прошлый раз с комбайна привёз? А в этот раз может даже лучше привезёт.

– А он не на добкомбайн в этот раз летит. Он с какими-то учёными с Земли, говорит, что-то им там показать надо на поверхности.

Значит, Анатолий Сергеевич отца всё-таки уговорил, и отправляются они к Снегурочке на кулички... Только когда?

– Мам, а когда у папы запуск?

– Он сказал в субботу, в два.

...Работать на Венерианской станции непросто – до Земли пять месяцев пути, с Земли пять месяцев пути, так что в отпуск на тёплое море слетать при всём желании не получится. На станции достаточно места для жизни и работы нескольких тысяч человек; по сути, это небольшой городок. Некоторые живут здесь с семьями. Тут есть спортзалы, больницы, кинотеатр, прогулочная зона и даже школа. Всё это находится в жилом блоке станции. А ещё есть служебный блок, технический блок, палубы обслуживания, палубы обеспечения, пусковые площадки, складские помещения, энергетические установки... И всё это связано между собой сложной системой переходов, коридоров, лестниц и турболифтов...

В школе на большой перемене я подхожу к земляничку.

– Вы сегодня вечером к нам в гости не собираетесь?

– Вообще-то нет, а что?

– Слушай, отпросись ко мне часика на два. Поговорить надо.

– Хорошо, я приду. Я тоже хотел... поговорить...

И смотрит на меня так внимательно-внимательно.

Сидим у меня в комнате на койке.

– Пуск в субботу, в два часа.

– Да, мне отец уже рассказал. Опасное это дело.

– Ну... На Венере вообще не бывает безопасных дел. Но ты не дрейфь. Они же вместе, а мой отец – он ничего не боится, а знает про планету очень много. Получше многих яйцеголовых, ну, в смысле, ангелов.

Сеня почему-то покраснел. Потом вздыхает:

– Понимаешь, Ром, я с папой туда хочу. Вниз. Я спрашивал – только он даже слушать не захотел. Ну, как ты и говорил в тот раз... Детям нельзя и всё такое...

Вот это земляничка даёт! Я даже не засмеялся, сказал только:

– Да что ты там будешь делать, внизу? Ты же в экзоскаф никогда не влезешь!

– А я и не буду туда влезать. Я в челноке останусь, я на пульте дистанционного наблюдения могу работать. Я журнал могу вести, дронами управлять. А в компьютерах я знаешь как разбираюсь? Я, между прочим, на Земле олимпиаду по электронике выиграл! Городскую.

– Олимпиада – это соревнования такие, что ли? Спортивные? Я по телеку видел.

– Ну это тоже олимпиада, только уже не спортивная, а по школе, по предмету, понимаешь?

Я пожал плечами. Чего у них там только на Земле не выдумают.

– И потом... – земляничник продолжил – Ну вот ты бы никогда не хотел с отцом спуститься, туда, вниз... Как вы там говорите... К демонам?

– Кто, я?! Да я бы за такое дело что хочешь бы отдал!

– А если накажут?

Ой, тоже мне, напугал! Я только хмыкнул. Сеня глубоко задумался. Потом спросил:

– Рома, а тебе можно доверять тайны?

– Спрашиваешь, конечно. А что за тайна?

– Я хочу с ними полететь. И я полечу. Я придумал как. Только нужна помощь, понимаешь?

Если бы он знал, сколько раз я слышал такое вот «я придумал как», да и сам тоже говорил. Только толку от этого было совсем никакого. Ну да ладно, хоть разговор интересный получается, так что послушаем, что он отвечать будет.

– Хорошо, – начинаю. – Первое и главное – как ты полетишь? В челноке ты нигде не спрячешься, он совсем небольшой. В контейнер с грузом заберёшься? Так их сканируют по пятьдесят раз, так что вышвырнут тебя, как миленького. В туалет запрёшься перед стартом? Ну, это вообще идея для дошкольника. Так как?

– В ноге.

– В чём?!

– В ноге.

Я изобразил самое заботливое лицо, на какое только способен.

– Сеня, у тебя температура. Мне позвать тётю доктора?

Земляничник сделал вид, что не заметил сарказма.

– Помнишь, мы с тобой разговаривали про экзоскафы?

– Ну.

– Гляди сюда... – тут он достаёт из сумки планшет. – Вот стандартный челнок типа «В» станция-поверхность-станция. Кабина пилотов, за ней салон, затем вниз по лестнице к трапу. От трапа налево – грузовой отсек, прямо – камбуз, направо – ангар.

– Так...

– А в ангаре стоит четыре экзоскафа.

– Так...

– Ну ты же сам говорил, что экзоскаф такой огромный, что Мишенька в нём будет болтаться, как рыбка в аквариуме? Там две ямы управления под ноги, они же большие какие, представь!

– Так...

– Ну вот в эту самую «ногу» или «штанину» я и собираюсь спрятаться. Во мне роста меньше, чем метр сорок, да я там с головой помещусь. Так что даже если вплотную кто будет проходить, через стекло кабины никогда в жизни не увидит!

Тут до меня начинает доходить. Не знаю, какие он там выигрывал олимпиады по электронике, но голова у этого ангелочка варит, да ещё как! Ясное дело – папа яйцеголовый, небось ещё и старинных книжек полон дом...

Но вслух я ничего такого про старинные книжки не сказал. Я сказал только:

– Ну ты даёшь...

А потом говорю:

– Хорошо, один-ноль в твою пользу. Если ты проберёшься в корабль, то можешь спрятаться в ноге экзоскафа. А как ты проберёшься в корабль?

– Мы с тех пор как с папой приехали, я уже пару раз наблюдал за погрузкой челноков. Никто особо ни за чем не следит. Нужно просто подождать, пока техники зайдут в грузовой отсек, и быстро забежать по трапу в ангар. Вот и всё.

Неплохо придумано. Что значит иметь каюту в служебном блоке, а не в жилом. Нас к пусковым площадкам за километр не подпускают.

– Окей. Остались пустяки – пробраться на пусковую без папы, да так, чтобы тебя никто не заметил. И это ты тоже знаешь, как сделать?

Он кивает головой.

Я лезу в ящик стола и достаю оттуда фиолетово-оранжевый шарик из вулканического стекла. Отец притащил его мне снизу года два назад; вещь по местным меркам не уникальная, но редкая. Я кладу шарик перед Сеней, глаза у него сразу же начинают блестеть.

– Если ты мне сейчас расскажешь, как ты собираешься пройти на пусковую, тут же подарю.

Он снова достаёт планшет.

– Смотри, вот полный план станции...

– Вам на той половине ещё и полные планы станции раздают? Нам только жилой блок, да и тот не весь...

– Это не «нам», это отцу. А я у него скачал.

Нам учительница как-то рассказывала про поговорку «внешность бывает обманчива» или что-то в этом духе. Передо мной сидит самый натуральный чертёнок, замаскированный под ангелочка, и с невинным видом продолжает:

– Коридоры системы вентиляции, видишь, проходят почти через всю станцию, как сетка. Там ещё по стенам протянуты кабели компьютерной связи, ну и много всего другого... Вентиляция часто выходит в маленькие подсобные помещения, типа кладовых. Смотри, вот здесь. Или вот здесь. И здесь. И вот ещё...

Последний участок карты мне был очень даже хорошо знаком. Это жилой блок, сектор 3, наш родной школьный центр. Подсобка находилась прямо за комнатой живого уголка! Оставалась последняя попытка отквитать у хитрого земляничка хотя бы одно очко.

– А как ты собираешься заходить в подсобки? Там нужен электронный ключ, а у тебя его нет.

– Ошибаешься – просто ответил Сеня. – Есть.

И показал мне ключ.

И не просто ключ.

Меня аж затрясло.

Это был самый настоящий «взрослый» служебный пропуск. Тот самый, с которым можно совершенно спокойно переоткрывать все двери на половине станции, причем и в жилом блоке, и в служебном. Я такие видел только у сотрудников охраны.

– Ты где это взял? – сипло спрашиваю. – Только не говори, что «скачал у папы».

– Нет, – отвечает, – не скачал. Мы как прилетели, нас же в служебном блоке поселили. А отцу часто приходится мотаться по всей станции то туда, то сюда. Таскать меня с собой везде он не захотел, сидеть взаперти в каюте я не захотел, а к вам сюда нам было нельзя из-за карантина. Ну, он и попросил, чтобы мне сделали копию его пропуска, чтобы я без проблем мог по станции ходить.

– И ты ходил?

– Конечно.

– И везде был?

– Ну, где учёных пускают, то почти везде. На нижней смотровой площадке, например.

Нижняя смотровая площадка – это круто! Туда только старшую группу возят на экскурсию, и только раз в году. Там пол и стены из какого-то очень прочного прозрачного материала, и там ты как бы ходишь над венерианскими облаками. Жутковато, но красиво. У ангелов там куча всякой аппаратуры для измерений, съёмок и так далее.

Крыть, однако, нечем. Я протягиваю шарик Сеньке.

– Забирай.

Он недоверчиво забирает у меня шарик и начинает восхищённо вертеть в руках. Учёные – они знают толк в таких штуках с поверхности; догадывались бы они, какие мне редкости иногда привозит оттуда отец... Да они с живого бы с меня не слезли!

– А теперь, – говорю, – рассказывай, какая тебе нужна помощь. Потому что вроде как ты всё уже сам придумал.

Сенька вздохнул.

– Нет, не всё. Я уже лазил два раза в кладовки...

На тебе! Очередное признание от мальчика-ангелочка...

– И?

– И там все вентиляционные отверстия затянуты решетками. Металлическими. И не видно ни замка, ни петель, ничего – я так и не смог открыть.

– Обидно. А что ещё?

– А ещё там внутри вентиляции какая то дрянь насыпана. Может, от насекомых или для какой-нибудь дезинфекции. Не знаю, что такое, но от неё глаза слезятся и сразу начинаешь жутко чихать.

Опаньки. Вроде бы чихнул человек – мелочь, а проблема. Попробуй начни чихать внутри вентиляционной трубы – тебя полстанции услышит, и никакая конспирация тебя не спасёт. И всё, финиш. Без всякого там старта. Но всё-таки какой этот земляничник молодец!

– Хорошо, Сеня, я что-нибудь придумаю.

Говорю и протягиваю руку.

...Размерами и массой Венера очень похожа на Землю, однако на этом сходство с нашей родной планетой заканчивается. Воздух её атмосферы состоит из углекислого газа, а облака – из серной кислоты. Средняя температура у поверхности составляет +500 градусов, а давление – 100 земных атмосфер. При таких температурах плавятся олово и свинец, и никакая земная форма жизни не способна перенести адских условий Венеры. По традиции, все объекты на карте этой планеты называются женскими именами: возвышенности – именами богинь (земля Иштар, земля Афродиты, горы Фрейи, венец Артемиды), а равнины и впадины – именами героинь мифов и сказок (равнина Снегурочки, область Василисы, каньон Бабы Яги, равнина Берегини)...

В пятницу в школе на большой перемене, не сговариваясь, отправляемся в живой уголок. Делаем вид, что нам ужасно интересно разглядывать рыбок в аквариуме (а то не видел я их никогда), а сами смотрим по сторонам. Точно – за кадками с деревцами узкий проход, а за ним небольшая дверь. Я быстро подошел, осмотрел. Так и есть, дверь служебная – ручки нет, только считывающий глазок под электронный ключ. Возвращаюсь к аквариуму.

– В общем так, я почти всё придумал. Но только летим вместе, понял?

Земляничник легко барабанит пальцами по стеклу, рыбки расплываются в разные стороны.

– А я знал, что ты тоже туда захочешь. Со мной.

– Ну раз знал, то и хорошо. Смотри. Завтра с утра идёшь в школу...

– Завтра же суббота?

– Ну и что?

– А разве по субботам у вас в школу ходят?

Опять эти его земные штучки. Пожимаю плечами.

– Это у вас в школу по субботам не ходят. А у нас ходят и по субботам, и по воскресеньям.

Ты что, каюту нашу не видел?

– Видел.

– Ну и как бы тебе понравилось сидеть в ней все выходные? А в школе и бассейн, и спортзал, и игры всякие. Рыбки вон плавают. Так что на выходных тут даже больше народу, чем в будни.

– Тогда понятно.

– Тогда слушай дальше. Я у отца из ящика с инструментами стянул энергорезак. Им любой металл перекусить можно, так что решетки твои – считай, что нету их.

Медленно обходим вокруг аквариума, потом направляемся к клетке с попугайчиками.

– С порошком твоим проблем тоже не будет. Вам же комплекты на случай аварийной эвакуации выдали?

– Как только прилетели, сразу выдали.

– Вот, а что же ты туда не заглянул? Там есть такая дыхательная маска с очками. Респиратор называется. Наденем – и все дела.

Земляничник хлопает себя по затылку.

– Хех, а я и не догадался, что так просто... Ну тогда всё?

– Нет, не всё.

– А что ещё?

– А то, что ты обещал меня с собой протащить. А это значит, что тебе как-то меня надо провезти на турболифте на глазах у половины станции, да так, чтобы никто ничего не заметил.

Он широко раскрывает глаза.

– И как я, по-твоему, это сделаю?

– А мне всё равно. Хочешь, засунь меня в мешок и тащи на спине, как Дедушка Мороз. Но летим или вместе, или никто. Иначе фиг тебе, а не резак.

Я его ещё ни разу не видел настолько расстроенным. Как бы он прямо тут не заревел... Может, зря я так сказал? Кладу руку на плечо:

– Ну пожалуйста, придумай, ты же у нас... интеллект! У тебя отец не просто учёный, а ого-го, его вся станция знает по имени-отчеству! Значит, и ты справишься! Сеня...

Он молчит, потом кивает.

– Я подумаю. Вечером жди в гости, хорошо?

Вечером пью чай с родителями. Мама вздыхает, отец смотрит куда-то в сторону. Потом поворачивается ко мне.

– Ну что, сынок, опять остаёшься в доме за старшего мужчину. Завтра у меня запуск, и раньше чем через неделю вряд ли вернусь. Справишься?

Нет уж, папочка, на этот раз ты не отвертишься. Решил сунуться в самое пекло – ну и пожалуйста, только я полечу с тобой! Киваю головой:

– Конечно, справлюсь, о чём разговор. В первый раз, что ли?

Он смеётся.

– Ну, вот и славно!

Пришёл Сеня, поздоровался с родителями и сразу ко мне в комнату. Интересно, родители что-то подозревают? Нет, вряд ли. У отца в голове завтрашний запуск, у мамы... И у мамы тоже в голове завтрашний запуск. Не до нас им.

Располагаемся на койке, жду.

– В общем, так. Рома, у тебя запасной станционный комбинезон есть?

– Комбез? Есть, и не один. А тебе зачем?

– Давай мне сюда один прямо сейчас. Я в школу пойду завтра в комбезе.

Лезу в ящик, достаю даже не распакованный пакет со станционным комбинезоном, вручаю Сене.

– Что, красивый беленький костюмчик с Земли надоел? – это я типа шучу.

– Надоел-надоел, слушай дальше. Завтра в десять мы с тобой запрыгиваем в кладовку позади живого уголка, ты режешь вентиляцию и мы ползём до кладовки, расположенной рядом с площадкой турболифта.

– Дальше что? Обмажешь меня невидимой краской?

– Нет. Дальше снимешь комбез и оденешь вот это вот – лезет в рюкзачок и достаёт оттуда свёрнутый аккуратно земной белый костюм. Рубашка там, ну и всё остальное.

– Постой, а как же ты?

– И я тоже. Это мой запасной костюм, а роста мы почти одинакового. Сделаем вид, что ты тоже мальчик с Земли. Меня же за две недели там – и в турболифтах, и на нижней смотровой, и в лабораториях – многие видели и уже привыкли. Спорим, никто даже внимания не обратит.

– Как же не обратит? Тебя же одного видели, а тут нас двое.

– Ну и что? Типа приехали ещё земляне, тоже с собой кто-то из учёных сына привёз. Или скажем, что ты мой брат, только раньше болел и в каюте сидел. А теперь вот выздоровел, ну и гуляем вместе, в чём проблема? Костюмы у нас одинаковые, местные ребята таких не носят. В общем, главное – делать вид, что всё нормально и ничего особенного не происходит.

Сижу, думаю. Рискованно. Я бы, честно говоря, предпочёл что-то понадёжнее. Но подозреваю, что варианта надёжнее у нас просто нет.

– Хорошо. Ещё что-нибудь?

– Да. Через вентиляцию полезем, рюкзаки испачкаем стопроцентно. А нам нужно, чтобы на площадке всё выглядело новенькое и чистенькое. Тогда взрослые ничего не заподозрят. Так что на рюкзак сделаешь чехол из плёнки, ясно?

Варит всё-таки голова у этого Сеньки. Не напарник, а клад. С таким у меня точно всё получится, и я всё-таки полечу на поверхность!

– Ну... Тогда до завтра?

И мы жмём друг другу руки.

С утра умываюсь, ем, собираю вещи. Пластиковый пакет, резак, респиратор, карманный фонарик, Сенькин белый костюм.

– Мама, я в школьный центр поиграть с ребятами!

– Хорошо, Рома, только сперва вымой за собой посуду!

– Угу, мам!

Посуду?! Мамочка, миленькая моя, вот уж совсем не до посуды мне сейчас! Застёгиваю рюкзак и тихонько выбегаю из каюты в коридор.

...При температуре +500 градусов и давлении в 100 атмосфер обеспечить для людей хотя бы относительно безопасные условия пребывания на долгое время невозможно. Однако в 50 километрах над поверхностью Венеры температура достаточно комфортная, в пределах +40 – +70 градусов, а давление равняется земному. Да, здесь дуют ветры огромной силы, а воздух, несмотря ни на что, остаётся смертельно ядовитым из-за паров серной кислоты; но всё-таки именно здесь, на пятидесятикилометровой высоте, люди могут строить обитаемые станции для постоянного проживания и работы. Земной воздух легче венерианского в полтора раза – поэтому лёгкая оболочка, надутая обыкновенным воздухом, на Венере поднимется вверх сама собой...

Прихожу в школу, здороваюсь с ребятами и сажусь играть с кем-то в видеоигры. Потом делаю вид, что надоело, перехожу за столик и начинаю рассматривать картинки в журнале. Тут меня Васька кулаком в бок тыкает:

– Ром, а Ром! Гляди, новенький наш станционный комбез себе раздобыл!

Гляжу – точно, Сенька в комбесе, с рюкзачком за плечами.

Я говорю:

– Ну и норм. Хоть выглядит теперь, как приличный человек.

И спокойно себе листаю журнал дальше.

Ближе к десяти переглядываемся с землянчиком и, не торопясь, выходим в живой уголок. Пока всё идёт как надо, все заняты – кто видео смотрит, кто рисует, Мишенька-ангелочек в шахматы с компьютером пыхтит, девчонки вон кукол своих притащили и играют. Снова делаем пару кругов вокруг рыбок с попугайчиками, проверяем, чтоб никто на нас внимания не обратил. Пора!

Быстро заходим за кадки, Сенька достаёт карточку, дверь кладовки послушно отъезжает в сторону. Заныриваем внутрь, дверь закрывается. Ну всё, поехали!

Вентиляционная решетка под самым потолком. Хоть потолки у нас и невысокие, взрослой рукой достанет, но просто так мне до решётки не дотянуться. Смотрю на Сеньку. Он как понимает:

– Это ничего, я тебя подсажу, а ты меня потом втянешь. У меня верёвка есть капроновая, вот, держи.

Снова удивляюсь – насколько же предусмотрительный этот землянчик. Натягиваем на рюкзаки чехлы, я достаю резак и фонарик. Встаю Сеньке на плечи, он меня поднимает. Нужно завести прутки решетки в паз и нажать на курок. Щелк! – первый прутки перекушен. По очереди перекусываю все остальные, решетка со звоном падает внутрь вентиляционной трубы. Мы замираем – вдруг кто что слышал? С минуту ждём. Нет, всё тихо. Надеваем респираторы.

Я влезаю внутрь трубы. Труба достаточно широкая и высокая, на четвереньках даже взрослый пролезет, а уж нам, пацанам... Разворачиваюсь, сбрасываю верёвку вниз, аккуратно упираюсь ногами в стенки. Всё, Сенька тоже влез без проблем. Начинаем тихо продвигаться вперёд.

Минут через пять доходим до развилки.

– Куда теперь? – спрашиваю.

Земляничка ложится на бок, достаёт планшет и начинает что-то там считать. Под маской респиратора лица совсем не видно. Жутковатая такая морда. Впрочем, у меня точно такая же. Голос звучит глухо, еле слышно.

– Сейчас налево. Пропускаем три поворота, на четвёртый – поворот направо. Дальше восемь поворотов пропускаем, девятый налево. Потом третий поворот направо. Запомнил?

Киваю. Двигаемся дальше. В голове постоянно кручу: «четвёртый направо, девятый налево, третий направо... четвёртый направо, девятый налево, третий направо...».

Продвигаемся медленно, а как быстрее? На четвереньках быстро не побежишь, даже если сильно захочется, а у нас же ещё и рюкзаки с собой. Добираемся до поворота. Я останавливаюсь. Чёрт, забыл. Налево или направо. Сенька смотрит на меня, потом направо показывает и кивает.

– Ну чего встал? Двигайся уже, время идёт!

– А нам точно сюда? – спрашиваю.

– Ну если мы повороты правильно считали, то сюда. Это кладовая рядом с площадкой турболифта.

– Ну ладно – добираемся до вентиляционной решетки, снова включаю резак и перекусываю по очереди прутки. Решётку придерживаю другой рукой, чтоб не упала вниз и опять не зазвенело.

Всё, проход свободен. Разворачиваюсь, прыгаю вниз. Сенька сбрасывает мне рюкзаки и прыгает сам. Снимаем респираторы, смотрим друг на друга. Лица красные. В вентиляции действительно грязно, комбинезоны выглядят так, как будто ими неделю мыли полы в школьном центре. Сбрасываем комбезы, достаем Сенькины земные шмотки. В жизни не одевал такой неудобной ерунды – всё белое, ткань тонкая, вместо липучек там какие-то петли и металлические кружки, кажется, пуговицы называются. У нас таких никто не носит. Комбезы и грязные

чехлы с рюкзаков прячем тут же, в углу кладовой. Респираторы, фонарик, верёвку, резак – в рюкзаки, ещё пригодятся. Рюкзаки – на спины. Смотрю на Сеньку. Чистенький, беленький, рюкзачок новёхонький, ну точь-в-точь туристик с Земли, каким его первый раз к нам в группу привела учительница. Только волосы растрёпаны. Интересно, а у меня такой же дурацкий вид?

Сенька как угадывает мои мысли.

– Ничего, нормально выглядишь.

Достаёт карточку, подносит к замку двери – замок послушно чирикает и дверь открывается. Выходим, оглядываемся, в коридоре никого нет. Идём в сторону площадки.

– Главное, – это Сенька мне – ни на кого не обращай внимания. И на тебя никто внимания не обратит. Если что, говорить буду я, хорошо?

– Ладно.

Выворачиваем из коридора в длинный широкий зал. Здесь проходят сразу несколько турболифтов – одни идут вокруг станции по горизонтали, другие по вертикали. Уверенным шагом направляемся к площадке Б, это самый прямой путь до пусковой зоны. Народу немного, все куда-то спешат, и на нас действительно никто внимания не обращает. Заходим в лифт, внутри всего лишь сонный демон с электронной газетой, да пара техников с девушками. Девушки – это хорошо, с ними техника стопроцентно не до нас. Усаживаемся на свободный диванчик, укладываем рюкзаки на колени и изображаем из себя идеальных детей.

На следующей остановке в лифт входит бородатый лысый дядька с крылатым значком исследовательского отдела на груди.

– Сеня, здравствуй! Что ты тут делаешь? А где Анатолий Сергеевич?

От неожиданности у меня внутри что-то так ёкнуло, что я даже прикусил себе язык. Однако Сенька не растерялся.

– Иван Викторович, добрый день. У папы сегодня пуск на поверхность, я хотел с ним успеть поговорить. А это Рома, мы вместе едем, а то одному скучно.

– Он что, тоже из ваших?

– Да, конечно.

– Черт знает что позволяют себе эти земляне! – дядька покачал головой. – Разводят на станции детский сад... Ну да ладно, как увидишь Анатолия Сергеевича, скажи, что Трифонов из второй серверной передаёт привет и желает удачного возвращения! Запомнишь?

– Запомню.

На остановке дядька выходит из кабины. Сердце у меня стучит часто-часто. Но Сенька не соврал – в этом прикиде я выгляжу практически, как он, а сам он за первые две недели на служебных палубах вполне примелькался.

На пятой остановке выходим из турболифта. Сворачиваем в один коридор, потом в ещё один. Сенька снова использует карточку, открывает дверь, и мы оказываемся в кладовой – очень похожей на ту, в которой мы переодевались. Достаём фонарик и резак. Оглядываемся – всё верно, вентиляционная решётка там, где и должна быть. Одеваем респираторы, Сенька подсаживает меня, и я срезаю уже третью за сегодняшний день решётку. Хм, а мне это уже даже начинает нравиться – не пойти ли мне в техники после школы, а?

– Что там по поворотам? – спрашиваю тихо.

– Семь пропускаем, восьмой налево. От него четыре пропускаем, пятый налево, там кладовка, коридор и наша пусковая площадка.

Ползём не торопясь, аккуратно, стараясь не шуметь. Красивый белый земной костюм просто на глазах становится тёмно-серым. Переодеваться нам уже не во что – но нам это и не нужно. Кому там, внизу, какая разница, грязные на нас костюмы или не очень? Главное – я буду первый из нашей группы, кто вообще когда-нибудь добирался до поверхности; а уж училкин Мишенька-ангелочек просто сдохнет от зависти. А если мы вместе с папой совершим какое-нибудь научное открытие, то тогда... Тогда...

Что будет «тогда», придумать не успеваю. Мы добираемся до нужной кладовой, режу прутья, спускаемся вниз. Рюкзаки, респираторы и резак оставляем, дальше они нам уже не понадобятся.

Выходим наружу, коридор предсказуемо пуст, однако не так далеко слышны голоса и металлический лязг. Похоже, погрузка уже началась.

Очень осторожно выглядываем на пусковую. Так и есть – челнок стоит уже открытый, и четверо техников по очереди затаскивают туда по трапу контейнеры.

Сенька шепчет мне в ухо.

– Помнишь? Налево грузовой отсек, навверх салон и кабина пилотов, прямо камбуз и санузел, направо ангар.

Я киваю головой. Осталось дожидаться нужного момента. Вот несут один контейнер, вот второй... Техники перебрасываются шутками и по сторонам не глядят. Тихо, как мышки, мы прокрадываемся за их спинами и бесшумно ныряем в правый проём.

Получилось! В ангаре полутемно, по стенам с каждой стороны стоят по два четырёхметровых золотых экзоскафа – мне почему-то сразу вспоминаются стражники-великаны из какой-то книжки со сказками. Нагрудные кабины приоткрыты, лесенки с перилами стоят сбоку.

– Лезем в дальний справа! – говорю я совсем тихо.

Аккуратно, практически неслышно, мы поднимаемся по лестнице. Я иду первым – втискиваюсь, перелезаю через край кабины, свешиваю ноги вниз и с головой оказываюсь в правой «штанине».

Сеньке нужно занять левую, а потому ему сперва приходится в буквальном смысле пройти мне по голове. Я негромко ойкаю. Затем слышу, как Сенька соскальзывает внутрь второй штанины.

– Порядок! – шепчет оттуда. – Я проверил. Снаружи тебя совсем не видно, даже если вплотную к экзоскафу подойти.

Я смотрю на время.

– Пуск через три стандартных часа. Главное, тихо сидим.

Итак, наш план целиком и полностью удался. За три часа нас не хватятся – в школьном центре все заняты: кто рисует, кто смотрит телек, кто играет в игры; когда хватятся, мы уже стартуем. Яйцеголовый из турболифта тоже ничего не заподозрил – иначе уже поднял бы тревогу. Слышно, как техники, переговариваясь, проносят в грузовой отсек очередной контейнер с оборудованием. Потом ещё один.

Внезапно в ангаре ярко зажигается свет. Теперь голоса техников звучат громко, совсем рядом.

– Куда им столько баракла? Они там внизу что, вечеринку на неделю запланировали? Ставь вот сюда.

Я перестаю дышать. Сквозь толстое бронестекло кабины видны тени проходящих мимо техников. Затем слышится тяжёлый тупой стук контейнера о палубу ангара. Техники уходят. Сенька был абсолютно прав – мы так хорошо спрятались, что никто не может нас увидеть, даже стоя в метре от экзоскафа.

Я снова гляжу на время. Прошло всего-то пятнадцать минут.

Опять слышны голоса, кто-то с кем-то спорит. Мне кажется, что я слышу голос отца. Затем техники проносят в ангар ещё один тяжёлый ящик и ставят рядом с первым.

– Ребят, может хватит? Вы как вообще собираетесь стартовать, вы же с места не сдвинетесь? – весёлый голос звучит совсем рядом. Я сильно вздрагиваю.

– Так нам же вниз, а не вверх! – этот голос мне знаком. Анатолий Сергеевич, Сенькин папа. – Главное, чтобы шлюз вовремя открыли!

– А горизонтального ускорения вам кто столько дополнительного даст? Я, пинком под зад? Вот уж спасибо, у меня ботинки не железные!

– Ничего-ничего, справимся. Случай особый, одних датчиков для замера надо будет ставить два десятка. Расслабься, ещё контейнер – и всё.

Голоса стихают. Затем снова топот ног техников, снова металлический стук ящика о палубу. Затем свет в ангаре гаснет. Я выдыхаю с облегчением.

Проходит ещё полчаса или чуть больше. Штанина экзоскафа, сперва казавшаяся такой уютной, оказывается на поверку тесной и неудобной. В ноги, в зад и в бока упираются какие-то металлические то ли скобы, то ли контакты. А самая большая – это педаль, на которую ногу ставят. Под самый мне подбородок, и несёт от неё металлом, горелым машинным маслом и пылью. Я пытаюсь пошевелиться и как-то поменять положение, но получается у меня это очень плохо. Места, в которые врезались железяки, начинают противно ныть.

Время тянется невыносимо медленно. Я замираю и прислушиваюсь. Судя по шороху и едва заметным подёргиваниям внутренней обивки экзоскафа становится ясно, что у Сеньки точно такие же проблемы.

– Сеня, ты как там? – спрашиваю я тихо.

– Рома, а сколько по времени спуск до поверхности?

– Думаю, часа два, не меньше. Нам же не просто вниз, а ещё до северного полюса лететь. Долго. А что?

– Да я это... Ну, понимаешь... Ну, в туалет хочу...

Тут до меня доходит. Тьфу ты, заговорщики, герои космоса, всё на свете продумали, кроме самого простого и элементарного... Если нам до старта ждать ещё часа два, да ещё как минимум два часа вниз, то... Нееет! Ээээй, алё! Мне же не три годика! Так, надо что-то придумывать, и как можно скорее...

– Слушай! – шепчу я. – Нам же не надо ждать пока мы вниз спустимся. Надо только до старта досидеть, и всё. А как стартанём, вылезем, а тут камбуз и санузел сразу рядом, по правую руку.

– Так мы же лететь будем в атмосфере? Знаешь как трясти будет?

– Ничего страшного, зато все взрослые будут в салоне, да ещё и пристёгнутые к креслам. Никто ничего не услышит, мы сбегает, потом вернёмся сюда и уже до посадки.

– Тогда ладно.

Проходит ещё полчаса, а может и целый час. Тесная штанина не даёт двигаться, острые железяки, кажется, хотят проткнуть меня насквозь. Терпеть уже просто не могу; блестящая идея пробраться на челнок и спрятаться в экзоскафе на поверку оказывается совсем не такой уж блестящей. И, между прочим, Сенька прав – трясти челнок на спуске будет жестко, может и об стенку шибануть, и об потолок; да и сумеем ли мы вылезти из этих проклятых штанин при такой болтанке?

Неожиданно в ангаре снова зажигается свет. Слышны шаги, возня, затем крышка кабины широко распаивается. Внутрь заглядывает молодой техник и светит фонариком вниз.

– Я думал, товарищи учёные, вы только ящики с оборудованием не по инструкции в ангаре возите, а тут, оказывается, ещё и в экзоскафе контрабанда сидит!

Техник, тот самый, который был с фонариком, ведёт нас по неширокому коридору. За руки, как маленьких.

– Ну и навели же вы шороху, черти окаянные! Всю станцию на ноги поставили, все пуски вниз экстренно отменили. Ох и задаст вам главный по самое не соскучишься!

Я ушам своим не верю.

– Нас что, к Архидемону?! – и едва уворачиваюсь от подзатыльника.

– Кому Архидемон, а кому Виталий Борисович и начальник станции! Руку давай – и вперёд, шевели колготками!

Становится страшно. Куда-куда, а на ковёр к Архидемону я ещё ни разу не попадал...

– А папа где?

– И все папы уже там, объяснительные пишут. Так что будет вам и папа, и мама.

Ещё хуже. К начальнику станции, да ещё и с родителями – так даже в жутком сне не бывает, наверное.

– А как вы нас нашли?

– Обыкновенно, как. Мама твоя забеспокоилась, позвонила в школьный центр, сказала ты не вымыл посуду, хочет с тобой поговорить. А тебя нет. Кинулись туда, сюда, через пост охраны ты не выходил. Потом и друга твоего тоже хватились. Стали искать везде, нашли срезанную решетку в подсобке, подняли тревогу. Кто-то из исследовательского отдела позвонил, сказал что видел Сеню с каким-то мальчиком в турболифте Б. Стало ясно, что вас понесло на пусковую, все пуски срочно отменили, все челноки велели обыскать, да и спрятались вы, кстати, не шибко умно...

Я иду по коридору и думаю.

– То есть, если бы я вымыл после завтрака посуду, то мама бы не забеспокоилась, и мы бы спокойно улетели?

– Забеспокоилась бы, не сомневайся. Если сомневаешься, плохо же ты разбираешься в мамах... Вперёд!

Кабинет у Архидемона маленький и мрачный. Полкабинета занимает терминал связи, полкабинета – стол и огромное кресло. Каким чудом там помещаемся ещё и мы – я, Сенька и оба папы – совершенно непонятно.

Главный говорит негромко, но так и такие слова, что хочется провалиться сквозь палубу. Что мы сорвали сразу несколько пусков; что мы испортили многодневную работу кучи людей; что если бы наша задумка удалась, то мы наверняка бы погибли; что в нашем возрасте в голове должно быть больше ума, чем у двухлетнего младенца...

Красивый земной костюм на мне измят, перепачкан и в нескольких местах порван. Сенька выглядит не лучше. Мне до тошноты стыдно, я упорно гляжу на носки своих башмаков. По правде сказать, редко когда я чувствовал себя так плохо.

Но потом становится ещё хуже. Намного, намного хуже. Потому что Архидемон начинает отчитывать моего папу. И вот когда он доходит до того места, что никакой папа не бригадир, а разгильдяй и позор станции, я не выдерживаю, опускаюсь на корточки, закрываю руками лицо и начинаю тихо реветь.

Начальник станции замолкает, встаёт с кресла, выходит из-за стола.

– Проняло? Ну-ка, вставай, чертёнок! – говорит он.

Я поднимаюсь. Сенька стоит рядом и тоже слышно, что ревет.

Голос Архидемона вдруг изменяется. Только что он был холодным и чужим, а теперь – спокойный, деловой, даже с юмором.

– Ну что, Анатолий Сергеевич, Иван Андрианович, как мы поступим с этими насквозь вымокшими, да ещё и грязными, орлами? Хорошенько выдерем? Или оставим на месяц без сладкого? Или на пару месяцев – без видеоигр?

Чихал я на ваше сладкое. Но два месяца без видеоигр? Да я скорее умру, уж лучше ремень... Хотя главное – Архидемон больше не ругается на папу...

В кабинете абсолютная тишина, только гудят вентиляторы терминала связи. Дурацкие слёзы застилают мне глаза, ничего не видно.

– Да, кстати, – это снова Главный – это не те ли самые два джентльмена, которые, по слухам, меньше недели назад учинили в школе безобразную драку?

– Они самые! – это уже Анатолий Сергеевич.

– Вот оно что. Ну тогда поступим так: а ну отвечайте, кто был зачинщик? Кто придумал эту глупую и опасную выходку? Вот его мы и накажем по полной программе. Ну а второй, который меньше виноват, он так и быть, посидит дома пару дней без пирожного на ужин, и будет.

У меня даже слёзы от такой наглости высохли, как не было. Вот уж фигурки!

– Виталий Борисович! – (Виталий Борисович – это Архидемон) – Это я всё придумал... И костюм, и схему вентиляции...

Я только хотел сказать, а Сенька уже первый успел!

– Виталий Борисович, он врёт! Я всё придумал, и респираторные маски, и резак, чтобы решётки срезать, тоже мой... В смысле, я у папы взял...

А вот это уже я. Начинаю фразу громко и смело, но заканчиваю почему-то почти шепотом. На какую-то секунду в кабинете снова слышен только шум вентиляторов.

Тут Архидемон, отец и Анатолий Сергеевич начинают хохотать. Что я смешного сказал, совершенно не понимаю.

Архидемон проходит за стол и снова садится в своё огромное кресло.

– Нет, это прямо-таки классика детского кино! Какая трогательная сцена, а? Четыре дня назад чуть не разнесли в драке школьный центр, а сегодня друг за дружку хоть на поверхность без экзоскафа! В общем так... На первый раз с вас, полагаю, вполне достаточно. Так что можете возвращаться в жилой блок, и чтобы у меня без всяких там!

Я не верю своим ушам. Неужели пронесло?

Но тут он начинает сверлить глазами Сеньку.

– Однако Арсений! – Сенька смотрит в отполированную до блеска палубу. – По вашем с папой прибытии меня попросили в порядке исключения оформить кое-кому служебный пропуск. Похоже, дав согласие, я сильно ошибся. Есть такое?

– Есть...

– Сдай пропуск, и немедленно.

Сенька лезет рукой в карман и достаёт карточку пропуска. Подходит к столу, кладёт, отходит обратно. Уши у него просто огненные.

– Анатолий Сергеевич, Иван Андрианович, повторный запуск назначаю через четыре стандартных часа. Ещё раз всё перепроверьте, и удачи вам всем там, внизу. А ангелочка по имени Арсений мы на время вашего отсутствия куда-нибудь пристроим, скажем, в школьный живой уголок. Поживёт там, поухаживает за рыбками, ему на пользу пойдёт...

Архидемон смотрит на меня, вот как ждёт. Дураки эти взрослые, думают что если тебе десять лет, так ты тупее, чем ботинок от скафандра.

– Анатолий Сергеевич, а пусть Сеня живёт у меня? С рыбками ему потому что скучно будет, и уроки мы тоже вместе делать станем.

Сенькин папа глядит на Архидемона, Архидемон кивает. Снова смотрит на нас.

– Ну хорошо. На сём, молодые люди, разговор считаю закрытым. Кругом марш – и без приключений домой! Провожать вас, думаю, не надо?

Мы улыбаемся.

– Нет, вы только посмотрите, они уже улыбаются, черти! Или чертенята?

Я смотрю на отца. Отец грозит мне кулаком, но глаза весёлые. Значит, простил. Правда, впереди ещё разговор с мамой... Но мама – это уже не так страшно. Надеюсь...

Мы говорим «до свидания», разворачиваемся и выходим из кабинета. Всё равно несправедливо получилось – меня только отругали, хоть и строго, а вот Сенька ещё и остался без пропуска. За такое сокровище любой мальчишка из группы отдал бы всё, что угодно. Надо будет подарить Сеньке самого красивого лавового дракона из моей коллекции. Или даже двух.

– Сень, а Сень, а когда папка вернется оттуда, снизу, и твой тоже, вы потом куда? На Землю?

Он думает.

– Если не нужен будет повторный спуск, то как только будет корабль обратно – да, на Землю.

– А пять месяцев в корабле не сильно скучно лететь?

– Да нет, нормально. Связь же есть, Интернет, книжки, кино. Мы с тобой каждый день будем переписываться, правда?

– Спрашиваешь... Слушай, а давай я отдам тебе свою нашивку с адским пламенем? Мне отец другую принесёт, зато ты будешь как мы, настоящий чертёнок!

– Хочешь сказать, без нашивки я не настоящий?

Упс. Что-то я не то сказал. Или не так. Надо выправлять положение, срочно. Думай, Рома, думай!

– Ты друг настоящий. А нашивки одной всё равно мало. Не цеплять же её на этот твой земной прикид. Всё равно как бантик на скафандр повязать! Придём домой – дам тебе ещё один свой комбез, вот тогда будешь вылитый венерианский демон! Ни у кого на Земле такого не будет, а у тебя есть!

Сенька улыбается.

– Комбез-то мне по-любому понадобится, от земных прикидов сам видишь, что осталось... Только вот на Земле похвастаться не получится. Ты забыл? До Земли пять месяцев лететь, вырасту я уже из твоего комбеза. Так что хватит и просто нашивки.

Пропавшая экспедиция

...В ста миллионах километров от Солнца летит по своей орбите Венера. Размерами и массой она очень похожа на Землю, однако на этом сходство с нашей родной планетой заканчивается. С Земли Венера видна, как очень красивая и яркая голубая звезда. Однако это иллюзия. Если сесть в космический корабль, то через долгих пять месяцев можно воочию убедиться, что на этой планете нет ни капельки ни синего, ни голубого. Облака Венеры, освещённые Солнцем – ярко-желтые, непрозрачные, плотные, как огромное ватное одеяло. В пятидесяти километрах над поверхностью, окруженная со всех сторон густым туманом, парит огромная обитаемая станция...

За пятнадцать минут до отлёта успеваю поговорить с отцом по коммуникатору. Папка говорит:

– В общем, Роман, ничего нового я тебе рассказывать не буду. Маму береги, помогай ей, в школе чтобы всё было ровно. Больше я от тебя никаких подвигов не требую, справишься?

Я отвечаю:

– Да, пап. Ты только прилетай скорее. И там... поосторожнее... на этой самой Снегурочке.

Он, слышно, смеётся:

– Вот даже не сомневайся, максимум неделя – и прилечу. Как у нас говорят? Черти бездны не боятся! Так что держись!

Сенька тоже со своим по коммуникатору общается.

– Пап, ты главное за меня не переживай. Я у Ромы буду жить, нам и скучно вместе не будет, и его мама за нами присмотрит. Только всё-таки жалко, что я с тобой не могу полететь. Я бы тебе с исследованиями помог...

Анатолий Сергеевич отвечает:

– Запомни, сын: всему своё время и своё место. Успеешь ещё налетаться и туда, и обратно. А пока слушай – у нас в каюте лежат мои записки по этому проекту и две книжки по планетологии. Ты же уже начинал их читать, в корабле – вот и продолжай. Учёные – они не только в экспедициях исследованиями занимаются. Вдруг у тебя какие интересные появятся идеи, а? Так что каждый на своём месте будет работать: я там, ты здесь. А прилечу назад – обсудим результаты. Идёт?

Сенька говорит:

– Хорошо, папа.

Ну и поселились мы у меня в комнате. Сенька только к себе сходил за вещами – шмотки там, книжки, игрушки. Игрушки у него я посмотрел, прикольные. Конструктор, минибильярд, а ещё ихний земной летательный аппарат с дистанционным управлением. Называется «вертолёт». Такой тоненький, хрупкий, изящный. У нас на Венере такой, даже настоящий, в секунды бы разорвало, раздавило и обломки ветром раскидало так, что и не найдёшь ничего после. А книжки Сенькины мне не очень понравились – там всё по-умному и всё про науку. Ну да и ладно. Каждому своё.

В общем, иду я к себе и налаживаю для Сеньки второй этаж на койке. У нас в каютах все койки стандартные, многоярусные, просто если не нужно, то лишние ярусы складываются. Откуда же кто знает наперёд, сколько людей в каюте будет жить? В общем, отцепляю ярус, поднимаю вверх, болты затянул, лесенку сбоку раскрыл. Всё, парадный трап подан, добро пожаловать! Сенька наверх залез, на койке попрыгал, заценил.

– Круто! – говорит.

А для вещей его я один ящик в столе освободил. Что-то из своего, конечно, переложить пришлось, но места вполне хватило. Зато вдвоём нам намного веселее теперь будет.

В понедельник в школу приходим, по столам рассаживаемся. Всё как обычно, как будто ничего и не было. Но потом Полина Алексеевна пятиминутную промывку мозгов нам устроила. Поставила перед группой и давай пилить. Тысячу раз это уже слышали. Что одним на служебную половину категорически нельзя, что на пусковую площадку нельзя, что в челнок забираться это верх глупости, что могли погибнуть, ну и так далее. Под конец, правда, добавила:

– Хотя, ребята, я должна сказать, что Сеня с Ромой полезли в челнок не из баловства или хулиганства. Они просто очень хотели полететь вместе со своими отцами и помочь им там, в экспедиции. Я правильно говорю, мальчишки?

Послушно киваем. А что ещё нам остаётся делать?

– Цели у ребят были хорошие, добрые, поэтому на первый раз мы решили их не наказывать. Всё, Романов, Дымков, сели на места, дружно забыли эту глупую историю и начинаем работать!

Насчёт «забыли» это, конечно, Пол-лексеевна погорячилась. На большой перемене Мишенька-ангелочек подходит к Сенькиному столу и начинает таким сладким-сладким голоском:

– Что же ты, Дымков, вроде бы как и отец у тебя учёный с мировым именем, а у самого в голове «горшочек, не вари»? На поверхность он захотел! А кого себе в компанию взял? Ромку-чертёнка! Во даёт!

Кто-то хихикает, слышно. Я сижу, молчу, сдерживаюсь. Но если он дальше так продолжит – я ведь не поленюсь, встану, подойду и по шее дам. Нет, не по шее дам – я тебя в клетку с попугайчиками упакую одним местом кверху! Так что лучше заткнись, Мишенька!

Но тут Сенька Мишеньке спокойно так отвечает:

– Хорошо, Миша. В следующий раз я тебя с собой возьму!

Мишенька только рот раскрыл. А тут ещё и Андрюха подходит и говорит:

– Точно, Сенька! С храбрым Мишенькой вы вместе аккурат до ближнего поста доберётесь, а там он спросит у дяди-охранника, где тут турболифт на пусковую, а потом вдруг вспомнит, что носовой платочек в каюте забыл. Как хоббит из сказки.

Тут уже не хихи, тут уже полгруппы ржёт. Мишенька покраснел, и за свой стол ретировался. А Сенька молодец, и Андрюха тоже. Вступился, как за своего.

В конце занятий Полина Алексеевна нас подзывает и спрашивает, что мы знаем про экспедицию. Когда Сенька сказал, что уже читал про это, и что у него книжки есть, обрадовалась. Велела Сеньке на завтра приготовить доклад для группы про экспедицию Анатолий Сергеевича.

– Это, – говорит, – всем ребятам интересно будет.

Сенька весь вечер отцовские дневники читал и книжки по планетологии. Я бы ни в жизнь за такое дело не взялся, а ему, гляжу, это наоборот нравится. Ну раз нравится, то и мешать не стал.

На другой день выходит Сенька на середину и начинает свой доклад рассказывать. А интересно получилось! Оказывается, многие учёные считают, что когда-то очень давно, миллиард лет назад или даже ещё древнее, наша Венера была совсем не такая, а была совсем как Земля. И температура на поверхности была ну прямо как у нас на станции, и ядовитой серной кислоты в воздухе не было. И, что самое удивительное, на Венере была вода – прямо как на Земле, целые моря и океаны! Причём в этих океанах существовала жизнь. А экспедиция

на равнину Снегурочки как раз и отправилась искать следы той самой древней жизни. Пол-группы от удивления рты пораскрывали.

Алёнка Кошсеева руку тянет:

– Полина Алексеевна! Значит, на поверхности даже рыбы плавали, как в нашем аквариуме?

Пол-лексеевна отвечает:

– Мы, Алёна, точно этого не знаем. Ведь это очень давно было, миллиарды лет назад. На Земле в то время вообще никаких рыб ещё не было. А что за существа жили тогда здесь, на Венере, мы и вовсе сказать не можем. На что они были похожи – на рыб, на насекомых или на каких-нибудь медуз? Вот поэтому учёные и организуют такие исследовательские экспедиции. Ребята, поплодируем Сене, доклад был замечательный. Сеня, спасибо, можешь садиться на место.

Тут Мишенька задаёт вопрос:

– А почему же всё так поменялось?

Полина Алексеевна тогда рассказала нам, что это называется парниковый эффект. Парник – это на Земле такая штука, когда надо выращивать растения на холоде. Снаружи холодно, а в парнике тепло, даже жарко.

– Солнца, ребята, у меня здесь нет, – говорит Пол-лексеевна, – но есть мощная лампа. Смотрите, если я просто направлю лампу на стол и измерю температуру, то на поверхности стола будет +50 градусов. Но если я поставлю на стол колпак из толстого стекла, тепловые лучи уже не смогут «убегать» от стола, и он начнёт нагреваться намного сильнее.

И точно, через пять минут градусник под колпаком показывает уже +90 градусов! Сам по себе! Вот это да! Учительница продолжает:

– Таким образом, если атмосфера очень толстая и плотная, она действует, как стекло: лучи Солнца попадают внутри как бы в ловушку и не могут улететь обратно в космос. Температура на планете постепенно становится всё выше и выше, океаны начинают кипеть, образуются густые облака. Выделяется огромное количество углекислого газа, а он очень тяжёлый и плотный, и поверхность ещё больше разогревается. Затем водяные облака вступают в химическую реакцию с парами серы, и образуется ядовитая серная кислота. Вот так наша с вами Венера стала такой, какой мы её знаем сегодня.

Вот это да! Значит, когда-то Венера была, как Земля... Даже не верится.

Вечером был сеанс связи с экспедицией. Отец сказал, что всё в порядке, и что исследования уже почти начались. Осталось только ещё что-то там подготовить. Сенька похвалился докладом, Анатолий Сергеевич сказал, что Сенька – молодец. А потом мы отдали коммуникатор маме, и она разговаривала с отцом до самого конца сеанса.

На другой день в школе на большой перемене ко мне Андрюха подсаживается.

– А твой земляничник-то, – говорит – ну просто суперкрутой.

Я спрашиваю:

– Чего это так?

– А мне Пол-лексеевна задачку задала, я с ней ну никак. Мне же скоро в старшую группу, у меня уже алгебра, а ещё геометрия, там знаешь как сложно? А твой земляничник заметил, что я с этой задачкой совсем бешеный, уже чуть планшет об пол не бросаю, подходит и говорит: «Андрей, давай я помогу». Я удивился, конечно, мелковат вроде земляничник-то, но задачку показал. А он её – хоп, хоп, хоп! – и всё готово. А потом вторую – хоп, хоп, хоп! – и снова. И ответ сходится. А потом давай мне объяснять, причём ничуть не хуже Полинки по алгебре чешет! Во!

И большой палец вверх показывает. Я говорю:

– Ну, Сенька, он даром что ангелочек, а молоток. Без него бы мы фиг в тот раз до пусковой добрались. Надо его к нам забирать, дельный он парень. Нашивку с адским пламенем подарить ему хочу. Одобряешь?

Андрюха думает.

– А ты знаешь, я «за». Он, хоть и ботаник, но всё равно на нас чертей намного больше похож, чем на Мишеньку.

Третьим у нас урок художественной культуры был. Полина Алексеевна проектор включила, показывает нам картинку. Что там нарисовано – ничего вообще непонятно. Люди какие-то с верёвками, корабли старинные...

– Перед вами, ребята, – это учительница рассказывает, – знаменитая картина художника Ильи Репина «Бурлаки на Волге». Волга, если вы помните, это такая большая река из воды на Земле. Шириной она в два километра, а длиной в три с половиной тысячи.

С ума сойти! В жизни не видел столько воды. Ни даже полстолько. Учительница продолжает:

– Сеня, скажи нам, а ты был на Волге?

Сенька встаёт:

– Да, мы с папой жили на Волге на даче. Она очень широкая. Это называется «водохранилище». Там другой берег еле-еле видать. Я купался, а ещё мы на лодке плавали. Ну, это как корабль, только совсем-совсем маленький. Два-три человека только поместятся.

И садится. Поинка говорит:

– Спасибо, Сеня. И вот давным-давно по Волге плавали баржи – такие большие корабли с грузами. Двигателей у этих кораблей совсем не было, а чтобы они двигались, их за специаль-

ные верёвки тянули рабочие, которые и назывались «бурлаки». Работа это была очень трудная...

Ну вот уж нет, такого быть не может! Враньё! Тяну руку:

– Полина Алексеевна! Но ведь эти корабли, которые там на картине, да ещё и с грузом – ведь они же тяжелые были, правда?

– Да, Рома. Каждая баржа весила по 300, а бывало что и по 400 тонн.

– Тогда как же эти дядьки могли такую тяжеленную штуку просто на верёвках тянуть? Да 400 тонн даже десять человек в экзоскафах с места не сдвинут! Получается, это всё враки?

Пол-лексеевна оживляется:

– Отличный вопрос, Рома. Да, ребята, сперва кажется удивительным, что несколько людей могут сдвинуть с места такой большой груз. Секрет в том, что этот груз плавает в воде. Если бы он стоял на поверхности, то они не смогли бы сдвинуть его ни за что. В природе существует сила, которая называется «сила трения». Когда груз опускают в воду, сила трения ослабляется во много тысяч раз, и тогда человек вполне сможет двигать такой груз – медленно, конечно, но сможет. В старшей группе про силу трения вам будут рассказывать более подробно.

Хех! И всё равно не верю. Пускай хоть какая там сила, но чтобы человек вот так просто руками, без экзоскафа, тянул 400 тонн? Да это почище будет, чем океаны с водой на Венере! Как вечером сеанс связи будет, надо будет у отца спросить.

...Пары концентрированной серной кислоты в атмосфере Венеры превращают её в самую агрессивную в солнечной системе среду. Железо и сталь, которые на Земле могут ржаветь месяцы и годы, на Венере будут уничтожены коррозией за считанные часы и минуты. Только золото, платина и иридий не боятся серной кислоты. Все летательные аппараты, автоматические дроны и любое другое оборудование для работы на поверхности Венеры – даже обычный гаечный ключ или пассатижи! – нужно покрывать защитным золотым слоем. Плотность воздуха у поверхности такая, что он превращается в сверхкритическую жидкость – это особое состояние вещества, промежуточное между жидкостью и газом. Поэтому венерианский ветер больше напоминает сильную струю воды, а не поток воздуха, и сметает абсолютно всё на своём пути...

Только сеанса связи вечером не было. Я расстроился, и Сенька тоже. А мама даже звонила по коммуникатору кому-то там и спрашивала, что случилось. Но так ничего и не узнала.

– Говорят, какие-то сильные атмосферные помехи. Подождём, ребята, до завтра, глядишь, всё у них там и наладится.

Но на следующий день сеанса связи снова не было. И на следующий.

Как связь пропала, уже четвертые сутки пошли. В школе с утра я сижу с планшетом сам не свой, и Сенька, и ещё несколько мальчишек и девчонок из группы, у которых отцы с экспедицией отправились. Полина Алексеевна периодически подходит к нам и говорит, что расстраиваться нет никаких причин, что всё обязательно наладится и что экспедиция скоро выйдет на связь. А пока, дескать, надо не вешать нос и заниматься уроками. Да-да, вот только об уроках у меня сейчас голова и болит... Остаться в школе и играть с ребятами нет никакого настроения. Отправляюсь сразу домой, и Сенька со мной.

Дома обедаем, потом занимаемся каждый своими делами. Сенька снова уселся читать дневники отца и эту самую планетологию, а я продолжаю склеивать ту модель, которую мне Анатолий Сергеевич с Сенькой в первый день подарили. Красивая штука этот самый самолёт, но всё равно какая-то несолидная. Хрупкая конструкция, у нас на поверхности таких не бывает. Наши челноки – они прочные, надёжные, крепче скалы. Думаю про то, какие у нас

надёжные челноки с кораблями, и тут же вспоминаю про папку и экспедицию. И что-то сразу настроение доклеивать модель у меня улетучивается...

– Сеня! – говорю. – А как ты думаешь, что там такое у них произошло?

Он мне с верхней койки отвечает:

– Да откуда же мне знать? Даже маме твоей никто ничего не рассказывает. И Полине Алексеевне тоже...

Вытягиваюсь на койке, думаю.

– Слушай, а куда хотя бы точно они полетели? Что там у них за эксперименты? У Анатолий Сергеевича в записях ничего про это нет?

Записи Анатолий Сергеевича – отдельная тема. Планшеты планшетами, а он всё равно почему-то вёл записи в старинных бумажных блокнотах карандашом. Я Сеньку ещё спрашивал, почему так, а он сказал, что отцу это просто больше нравилось. Ну, да дело не моё. В общем, Сенька мне сверху говорит:

– Немного есть. Отца интересовали необычные структуры на поверхности, так называемые «купола». Это как такой круглый холмик, только низкий и плоский. В дневнике есть несколько фотографий. В точности не скажу, но похоже, экспедиция полетела к одному из таких одиноких куполов на равнине Снегурочки – в записях он никак особенно не называется, просто «северный купол» и всё.

– А что такого особенного в этих куполах?

– Вот послушай: «В те времена, когда климат Венеры ещё только начал меняться, существовавшая на ней жизнь неизбежно должна была погибнуть. Однако она не могла исчезнуть бесследно. Мёртвая органика...».

– Мёртвая чего?

– Органика. Ну, это всё, что живое или когда-то было живым. Растения там, животные...
– Аааа. Ну а что там дальше?

– «Мёртвая органика, захороненная под слоями горных пород, на Земле образует залежи каменного угля, нефти и природного газа. Однако миллиарды лет назад на Венере, в условиях повышенной вулканической активности и высокой температуры, газ, выделяющийся при разложении органического вещества, мог образовывать в вязкой горячей лаве пузыри, медленно поднимающиеся к поверхности...».

– Всё, хорош, Сень, спасибо. Интересно, конечно, но от этой твоей науки сразу голова начинает пухнуть.

Лежу, молчу, думаю. И всё равно из головы не идёт экспедиция и что же такое там произошло. Надо продолжать разговор. Когда разговариваешь, как-то легче становится.

– Ну ладно, – говорю, – мы знаем, что скорее всего они полетели к этому самому северному куполу на равнине Снегурочки. И что исследования эти как-то связаны с далёким прошлым Венеры. Миллиард лет назад или даже два. А поможет это нам выяснить, что же там случилось, и почему они не выходят на связь?

Сень отвечает:

– Не поможет. А что я могу сделать? Отец вообще этот дневник писал ещё задолго до того, как мы сюда прилетели. Точка высадки – у северного купола, и всё. Ничего больше мы из дневника не выжмем. Остаётся только сидеть и ждать, когда взрослые нам что-нибудь сообщат. Ну, или хотя бы маме твоей.

Что верно, то верно. Других вариантов у нас просто нет. Слезая с койки, забираюсь на лесенку. Сенька сидит, поджав ноги, и читает. Ещё несколько книжек лежит сбоку. Показываю на один из дневников Анатолия Сергеевича.

– Можно, – спрашиваю, – полистать?

Сенька только головой кивает – бери, чего уж там. Беру дневник, спрыгиваю вниз, снова валюсь на койку. Почерк у Анатолия Сергеевича чёткий, красивый, правильный, почти что печатными буквами пишет. Не то что я. Какие-то стрелки, схемы, вопросительные знаки. Пара маленьких фотографий вклеена. То и дело попадаются слова «равнина Снегурочки», «равнина Лоухи», «земля Иштар», «северный купол», «следы жизни». Ничего нового, всё это Сенька мне уже прочитал. От нечего делать перелистываю страницы и разглядываю рисунки на полях. Вот тут вот цветочек нарисован, тут птичка, а вот здесь смешная рожица с зубами. Интересно, Анатолий Сергеевич зачем такое у себя в дневнике рисовал? Дохожу до последней страницы. Что-то здесь не так, только сам не пойму, что именно...

Слезая с койки, снова лезу наверх.

– Послушай, Сень! – говорю. – Посмотри пожалуйста, вот тут. Чего-нибудь необычного не замечаешь?

Он глядит, соображает.

– Да вроде ничего особенного. Страница пустая, всего три строчки. Первая: «Снегурочка». Вторая: «Следы жизни». Третья: «Северный купол». Всё.

– Ну-ка, слезай. – говорю. – Сядем за стол, так удобнее.

Сенька пожимает плечами и тоже спрыгивает вниз. Усаживаемся за стол, снова раскрываю дневник.

– А мне кажется, есть тут что-то странное. Посмотри: в слове «Снегурочка» последняя буква «А» написана как заглавная, а не так, как твой папа обычно пишет. И в слове «жизни» последняя «И» явно выше остальных. А в слове «купол» – последняя буква «Л» снова большая. И соединены слова тонкой линией внизу, как знак подчёркивания в планшете:

Снегурочка
Следы_жизни

Северный_купоЛ

Всё-таки из Сеньки когда-нибудь вырастет просто потрясный яйцеголовый. Ничего ему два раза объяснять не надо. Схватился за дневник, чуть ли не сверлит страницу глазами.

– Увеличительное стекло, – спрашивает, – есть?

– Сейчас дам – говорю. Достаяю из ящика лупу, протягиваю Сеньке. Он минуты три в лупу страничку рассматривает, потом задумчиво так говорит:

– Уроки в школе по компьютерной безопасности помнишь? Для захода в сеть требуется логин, основной пароль и проверочный пароль. Логин и оба пароля должны состоять из заглавных букв, строчных букв и цифр.

– Так здесь же нет цифр!

– погоди. Иногда компьютерщики заменяют буквы на похожие цифры. Я знаю, я читал, да и отец рассказывал. Например, цифра «4» похожа на букву «Ч», а цифра «3» – на букву «З». Они даже слова так иногда пишут – например, вместо «SOS» набирают «505».

– Тааак. И что?

– А то, что в слове «снегурочка» буква «ч» отмечена снизу маленькой точкой. В слове «жизни» точно так же отмечена буква «з». А в слове «северный» – буква «в».

– А букву «в» тоже можно заменить цифрой?

– Думаю, да. Скажем, цифрой «8».

– И тогда тут написано...

*Снегуро4кА
Следы_жизнИ
Северный_купоЛ*

Сенька смотрит на меня.

– Ромыч, ты просто супер. Я бы ни за что не обратил внимания. Спорим, это папкины логин и два пароля от входа в сеть!

– И что это нам даёт?

– Здравствуйте. У отца же высшая категория доступа! Любые информационные ленты с любых каналов. И если во внутренней сети есть хоть какие-то сведения о том, что произошло с экспедицией, они у нас в кармане, понял?

А вот это уже настоящий класс! Хлопаю Сеньку по плечу:

– Тогда чего ждём? С чьего планшета заходим, с моего или с твоего?

Тут у него вдруг лицо становится серьёзным, сосредоточенным.

– Ром, ты как считаешь, знают на станции, что мой папа улетел в экспедицию?

– Ты что, совсем? Об этом даже попугайчики в живом уголке знают.

– Вот-вот, даже попугайчики. А теперь представь, как в серверной удивятся, когда заметят, что Анатолий Сергеевич Дымков, который, по идее, должен сидеть на северном полюсе, заходит в сеть через точку подключения в жилой каюте на станции?

Упс. А вот о таком я и правда не подумал.

– То есть, ты хочешь сказать, что как только мы зайдём в сеть, нас сразу засекут?

– Ну не совсем «сразу», минут через пять. Может, ещё какое-то время будут тереть глаза и чесать в затылке, но через семь минут точно связь перекроют.

– А они будут знать, из какой мы каюты?

– Смеёшься? Им система тут же об этом сообщит, причём крупным шрифтом и в пол-экрана. И через десять минут к нам сюда уже прибегут.

– А чего они прибегут? Что мы такого сделали?

– Ты дошколёнком-то не прикидывайся... Мы собираемся воспользоваться чужим паролем, зайти в закрытый сегмент компьютерной сети и скачать немножечко секретных данных. Это, кажется, называется «неправомерный доступ к информации». Считаешь, за такое нас погладят по головке?

Не погладят, дураку ясно. Сижу, размышляю.

– Что же это получается? Если мы в сеть не полезем, то никогда ничего не узнаем. Взрослые сами нам вообще ничего никогда в жизни не скажут, даже если с папой случилась беда и надо срочно что-то делать.

– Именно. А если мы в сеть полезем, то ещё не факт, что узнаем что-то полезное. Но вот что с нами за это сделают...

А что они сделают? Ну не выбросят же нас со станции на поверхность! А всё остальное... да плевать хотел я на ихние дурацкие наказания. Не страшно. Неизвестность гораздо страшнее.

– Сень, я не боюсь. Накажут – ну и чёрт с ним. Переживу. Ты как хочешь, а я полезу. А ты тогда... Ну, сходи пока в школьный центр, например. Там посидишь, а я скажу, что это я один всё придумал.

Сенька аж вспыхнул весь. Даже кулаки сжал.

– Ты за кого меня принимаешь? А ещё друг называется... Нет уж, влипнем – значит, влипнем вдвоём. И, между прочим, я лучше тебя в компьютерах разбираюсь!

Что правда, то правда. Компьютерщик я так себе.

– Так с чьего лезем планшета? – спрашиваю.

– Да без разницы – Сенька отвечает. – Хочешь, давай твой.

Протягиваю ему свой планшет. Сенька начинает колдовать. Не отрываясь от экрана, говорит мне:

– А дверь каюты как-нибудь можно закрыть изнутри, чтобы снаружи не открыли?

– Если с охраной придут, у них от всех дверей ключи есть.

– А так, чтобы и с ключом не открыли?

Ну, вообще-то, знаем мы такой трюк. Андрюха ещё в прошлом году научил. Только за такой трюк бывают большие неприятности... Хотя... Мы скоро и без этого по самую макушку в неприятностях будем. Семь бед – один ответ. Лезу в ящик стола, достаю оттуда кусок проволоки, сворачиваю этакую «загогулину», иду к двери, просовываю через считывающее отверстие внутрь замка, нажимаю... Бабах! Яркая вспышка, громкий хлопок, запах горелой изоляции. Сенька спрашивает:

– Это ты чего там?

– Да ничего особенного, механизм замка закоротил. Теперь чтобы дверь вскрыть, нужна техника вызывать. Ты-то там как?

– Всё, уже захожу в сеть. Главное – это найти служебный информационный канал станции...

Усаживаюсь рядом, жду. Минуты две проходит, наверное.

– Ура! – Сенька говорит. – Есть! Сейчас ленту прокручу на нужную дату...

Сидим вдвоём, склонились над планшетом, смотрим, слушаем.

Сразу говорю – ничего хорошего мы не услышали и не увидели.

Хотя нет, сперва всё шло относительно неплохо. Экспедиция спокойно добралась до полюса, челнок посадили у того самого северного купола. Вышли в экзоскафах на поверхность, челнок закрепили на растяжки. Обошли кругом местность метров на 300, даже поднимались на купол и к лавовым полям. На другой день начали расставлять датчики и закладывать заряды для сейсмографической съёмки. На третий день был назначен первый эксперимент, заряды подорвали, начали собирать данные. Готовились ко второй закладке.

И вот тут что-то пошло не так. Поверхность отчего-то серьёзно трясти начало. Вообще говоря, Венеру постоянно трясёт, но тут что-то уж очень сильно и часто. Сперва решили подождать, авось обойдётся, но скоро стало ясно, что лагерь нужно эвакуировать, иначе будет беда. Только Сенькин отец всё настаивал, чтобы ни грамма собранной информации не пропало, поэтому, пока сворачивали оборудование и снимали с растяжек челнок, прошли по периметру и все датчики, какие успели, собрали. А толчки становились всё чаще, всё сильнее.

Последний аудиолог с челнока был вот такой:

– *Бригадир, две минуты до взлёта...*

Слышны глухие, но мощные удары. Как будто снаружи кто-то стреляет из огромной пушки.

– *Пальч, летунок ты мой драгоценный, какие две минуты? Педаль в пол до отказа – и делаем танки!*

Это голос отца. Слышны и другие голоса. Бодрые, весёлые, будто люди на вечеринку собираются и ничего страшного вокруг них не происходит.

– *Контейнеры с образцами, ящики с оборудованием, всё закрепили?*

– *Закрепили, Сергеич, ещё и бантиком привязали! По дороге не уроним.*

– *Ну и как вам, мальчишки-девочки, понравилось в гостях у Снегурочки?*

– *Давно так не веселились!*

– *Знойная девушка!*

– *Только я сюда больше ни ногой, даже за тройную премию, слышишь, бригадир?*

Очень сильный удар. Снова голос отца.

– *Пальч, пристегнулись, и валим, валим! Да что же это...*

Слышны грохот, треск, скрежет металла. Затем – шипение. Затем – тишина.

Дроны-разведчики были на месте аварии через час и передали на станцию снимки. На цветных фотографиях и видео хорошо видны лавовое поле, северный купол и место экспедиционного лагеря. Но нет ни челнока, ни одного датчика, ни одного экзоскафа. Ничего. Только издевательски ощерившийся злобной зубастой пастью громадный черный провал на тёмно-красном склоне купола.

Мы всё ещё досматривали последние записи, когда к нам в дверь начали громко стучать. Мы старались не обращать внимания и только жадно вчитывались в логи. Тут стук стих – очевидно, пытались открыть дверь служебным ключом. Потом начали буквально ломиться. Потом всё снова стихло. Наконец, прозвучал зуммер, дверь откатилась в сторону. На пороге стоят здоровенный дядька из службы охраны и два техника. И глаза у всех злые-презлые. Техник охраннику на нас показывает, и говорит:

– Вот. Получите и распишитесь.

Охранник одним махом вырвал мой планшет, потом и Сенькин тоже сунул к себе в сумку, ухватил нас за руки и ведёт куда-то. На ходу техников спрашивает:

– А что дверь?

Те отвечают:

– А что дверь? Обыкновенный «коротыш», нам такие мальчишки раз в месяц устраивают в жилом блоке – то в школьном центре, то в каюте у кого. Сейчас вот плату в замке поменяем, и будет как новый. Только хозяину каюты ключ надо будет перекодировать. А служебный так и так откроет.

Охранник нас по станции ведёт, не церемонится. Шаги у него длинные, мы за ним практически бегом бежим, сопим, но не говорим ничего.

– Молчите? – спрашивает. – Ну молчите, молчите, сейчас посмотрим, как вы Виталий Борисовичу молчать будете...

И точно – затаскивает нас в уже знакомый коридор, ведёт до конца, а там – кабинет Главного. Ничего не изменилось – и кресло на месте, и терминал связи, и Архидемон всё такой же. Грозный.

– Романов! Дымков! Как я понимаю, в прошлый раз с вами обошлись чересчур мягко, так вы решили, что теперь позволено вытворять на станции чёрт знает что?! Думаете, у меня только и есть времени, чтобы разбираться с выходками безмозглых мальчишек? Спалили замок на двери – раз. Взломали компьютерную сеть – два. Хоть представляете, сколько вам за такое безобразие причитается? Когда ваши отцы вернутся из экспедиции, я лично – лично! – проинспектирую, чтобы вашим «мадам сижу» устроили такой горячий приём, чтоб потом неделю чесалось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.